

УДК 355/359
ББК 63.3
К36

Керенский, Александр Федорович.

К36 Россия в эпоху великих потрясений / Александр Керенский. — Москва : Алгоритм, 2017. — 256 с.

ISBN 978-5-906979-12-4

Александр Федорович Керенский — видный общественный деятель России и один из лидеров российского масонства в начале XX века. В 1917 году Керенский стал министром, а затем председателем Временного правительства — именно оно было свергнуто большевиками в результате Октябрьского переворота.

В своей книге А.Ф. Керенский рассказывает о событиях, происходящих в России с конца XIX века по 1919 год. Несмотря на определенный субъективный подход, мемуары Керенского являются уникальным свидетельством политической и общественной жизни страны в эпоху «великих потрясений» и, главное, позволяют понять, почему в России произошли Февральская и Октябрьская революции: кто за ними стоял, каковы были причины прихода к власти сначала либералов, а вслед за ними — большевиков.

УДК 355/359
ББК 63.3

ISBN 978-5-906979-12-4

© Керенский А.Ф., правообладатели, 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Массово-политическое издание

Керенский Александр Федорович

РОССИЯ В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ПОТРЯСЕНИЙ

Редактор *О.В. Селин*

Художник *И.М. Хотич*

ООО «Алгоритм»

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://www.algoritm-izdat.ru>

Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 20.07.2017.

Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,44.

Тираж экз. Заказ

ISBN 978-5-906979-12-4

9 785906 979124 >

СОДЕРЖАНИЕ

Автобиография	6
Вступление	27
Революция 1905 года	33
Столыпин	46
Русские масоны	56
Война и заговоры	63
Распутин	77
План Николая II	95
Февральская революция	101
Отречение царя	115
Временное правительство	122
Совет рабочих и солдатских депутатов	129
Императорская семья	142
Ленин	156
Мятеж Корнилова	168
Развал демократических партий	188
Октябрьский переворот	195
Капитуляция	221
Начало Гражданской войны	232
Колчак	241
Заключение	251

Автобиография

Я родился 22 апреля 1881 года в Симбирске. Этот город расположен в среднем течении Волги и был центром во всех отношениях наиболее отсталой губернии России в правление Александра III. По ее территории не проходила ни одна железная дорога. В период навигации по Волге курсировали пароходы, но в бесконечно долгий зимний сезон связь с внешним миром осуществлялась только на лошадях по замерзшим просторам Волги.

Город был построен в 1648 году на одном из холмов высокого берега реки. На самом верху холма разместились кафедральный собор, губернаторский дворец, гимназия, женский монастырь и публичная библиотека. По его склону до самого берега шли великолепные яблоневые и вишневые сады. Весной деревья покрывались благоухающими белыми цветами, по ночам сады оглушались соловьиными трелями. Туда же, к берегу Волги, спускался уступами парк с тремя аллеями, а через реку открывалась величественная панорама бескрайних луговых просторов. Каждый год, когда начинал таять снег, река выходила из берегов и затопляла левобережные низины, разливаясь словно бескрайнее море. А в разгар лета над лугами неслись песни крестьян, косивших траву и складывавших ее в высокие стога, а также веселый шум пикников горожан. Вокруг всего города по крутым берегам Волги раскинулись дворянские поместья.

В политической жизни города как в миниатюре отражались настроения и эмоции, сотрясавшие страну. Ибо хотя Симбирск был главным образом городом консервативных земледельцев, враждебно настроенных к либе-

ральным реформам Александра II, определенную роль в его жизни играла и немногочисленная элита, состоявшая из учителей, врачей, судей и адвокатов, которые горячо поддерживали эти реформы и ратовали за осуществление в повседневной жизни города новых, либеральных идей. На нижней ступени социальной иерархической лестницы стояла третья группа — радикалы, или «нигилисты», как называла молодых революционеров-смутьянов консервативная верхушка.

Симбирск напомнил о себе Санкт-Петербургу весьма неприятным образом, когда был раскрыт заговор с целью убийства Александра III. Осуществить заговор предполагалось 1 марта 1887 года, и одним из заговорщиков был сын директора симбирского департамента народных училищ и брат Владимира Ульянова (Ленина). Вот каким образом судьба нашего захолустного городка, до которого не дошла еще железная дорога и куда нерегулярно поступала почта, переплелась с судьбой могущественной империи.

И хотя Александр Ульянов был связан с моей жизнью лишь косвенно, в детском воображении он оставил неизгладимый след не как личность, а как некая зловещая угроза. При одном упоминании его имени в моем сознании сразу же возникала картина мчащаяся по ночному городу таинственной кареты с опущенными зелеными шторками, которая по мановению могущественной руки отца Сони увозит людей в неизвестность. Соня — маленькая девочка, которую иногда приводили к нам на танцевальные занятия, а отец ее занимал пост главы жандармского управления Симбирской губернии. Раскрытие в Санкт-Петербурге тайного заговора и арест сына видного симбирского чиновника послужили основанием для арестов в городе, которые, как правило, проводились по ночам. Тревожные разговоры взрослых об этих ужасных событиях проникли в нашу детскую, а тесные отношения нашей семьи с семь-

ей Ульяновых привели к тому, что мы скоро узнали о казни их высокоодаренного сына. Таким было мое первое соприкосновение с революционным движением.

Отец мой, Федор Михайлович Керенский, занимал в то время пост директора мужской гимназии и средней школы для девочек. Карьера его сложилась отнюдь не ординарно. Он родился в 1842 году в семье бедного приходского священника Керенского уезда Пензенской губернии. В те дни духовенство было самостоятельным сословием, отличавшимся своими вековыми традициями и обычаями. Дети священнослужителей даже посещали особые школы. Именно такую школу окончил мой отец, поступив затем в Пензенскую духовную семинарию. После революции 1848 года в Западной Европе доступ в университеты в России был закрыт для всех, кроме дворян, однако в правление Александра II эта социальная дискриминация была упразднена, и поэтому со временем отец смог осуществить свою заветную мечту о поступлении в университет. А до этого нужда заставила его стать учителем в приходской школе, но когда в результате изнурительного труда он сумел накопить достаточно денег, то поступил в Казанский университет, считавшийся одним из лучших в России. Подобно многим из своих собратьев, которым предстояло посвятить себя церкви, он не чувствовал подлинного призвания к этому поприщу и вместо того, чтобы пойти по стопам, отца, всем сердцем отдался изучению истории и классической филологии. Его замечательный педагогический талант был по достоинству оценен и вознагражден. В возрасте 30 лет он получил назначение на пост инспектора средней школы, а в 37 лет стал директором школы в Вятке. Двумя годами позже он возглавил мужскую гимназию и среднюю школу для девочек в Симбирске.

Родители мои познакомились в Казани, где отец занялся преподавательской деятельностью сразу же по окончании университета. Моя мать была одной из его

учениц. Она была дочерью начальника топографического отделения при штабе Казанского военного округа, а по материнской линии — внучкой крепостного крестьянина, который, выкупившись на свободу, сделался в Москве процветающим купцом. От него мать унаследовала значительное состояние.

* * *

Ранние годы предстают в моем сознании в виде идиллических картинок домашней жизни. Длинный коридор делил наш дом на двое — на мир взрослых и мир детей. Воспитанием двух старших сестер, которые посещали среднюю школу, занималась гувернантка-француженка. Младшие же дети были отданы на попечение няни, Екатерины Сергеевны Сучковой. В детстве она была крепостной и не научилась грамоте. Обязанности ее были такими же, как и у всякой няни: она будила нас утром, одевала, кормила, водила на прогулку, играла с нами. По вечерам, готовя нас ко сну, она с особым тщанием проверяла, растегнуты ли воротнички наших длинных ночных рубашонков, чтобы легче было, как она говорила, «выпустить злых духов». Перед сном она рассказывала нам какую-нибудь сказку, а когда мы подросли, вспоминала порой дни своего крепостного детства. Она и жила с нами в нашей просторной детской. Ее угол был любовно украшен иконами, и поздними вечерами слабый свет лампадки, которую она всегда зажигала, отражался на аскетических ликах особенно почитаемых ею святых. Зимой она ложилась спать вместе с нами, и тогда сквозь смежающиеся веки я видел, как она истово молилась, преклонив колена перед иконами. В ней не было ничего особо примечательного: ни острого ума, ни глубокой мудрости. И все же для нас, детей, она была абсолютно всем.

В наших повседневных детских занятиях и играх мать была значительно ближе к нам, чем отец. Отец никогда не

вмешивался в жизнь нашей детской. В сознании нашем он стоял где-то в стороне, как высшее существо, к которому няня и мать обращались лишь в минуту крайней необходимости. Обычно стоило произнести всего одну угрозу: «Вот подожди, отец проучит тебя!» — и все становилось на свои места, хотя отец никогда не прибегал к физическим наказаниям и ограничивался лишь разговором, стараясь растолковать нам суть дурного поступка. Мама любила посидеть с нами за утренним завтраком, когда мы пили молоко. Она интересовалась всеми нашими делами и при необходимости мягко журила за тот или иной проступок. Вечерами она заходила в детскую, чтобы перед сном перекрестить нас, поцеловать и пожелать доброй ночи. С раннего детства мы всегда молились по утрам и перед сном.

После утренней прогулки с няней мама часто звала нас в свою комнату. Повторять приглашение дважды никогда не требовалось. Мы знали, что мать будет читать нам или рассказывать разные истории, а мы будем слушать, уютно примостившись у ее колен. Она читала не только сказки, но и стихи, сказания о русских героях, а также книги по русской истории. Эти утренние чтения приучили нас не только слушать, но и самим читать. Не помню, когда мать начала читать нам Евангелие. Да и чтение эти не носили характера религиозного воспитания, поскольку мать никогда не стремилась вбивать в наши головы религиозные догмы. Она просто читала и рассказывала нам о жизни и заповедях Иисуса Христа.

Практическую же сторону христианства мы узнали от няни. Никогда не забуду, например, одного из чудесных весенних дней, когда мы вышли на обычную утреннюю прогулку. После долгой, суровой зимы по Волге пошли первые пароходы. В тот день по улицам города из местной тюрьмы к речному причалу вели партию заключенных, приговоренных к ссылке в Сибирь. Вслед за скорб-

ной колонной, окруженной конвоем из солдат, двигался фургон, набитый женщинами и детьми. Когда мы с братом увидели наполовину сбритые головы осужденных, слышали звон их кандалов, мы в ужасе бросились бежать. «Вы куда? Неужто вы и в самом деле боитесь, что они обидят вас? — закричала нам вслед няня. — Лучше пожалейте этих несчастных. Нам ли судить и осуждать? Ради Христа, будем добры к ним». И, повернувшись ко мне, добавила: «Ну-ка, Саша, вот я сейчас куплю калач, а ты пойдешь к солдату, тому, что впереди, и попроси, чтоб разрешил отдать калач несчастным. И радость придет не только к ним, но и к тебе». Такой практический урок христианства преподала нам няня на примере современной жизни. А когда мы с братом Федей затевали драку, она стыдила нас обоих, приговаривая: «Ах вы, маленькие злыдни! Христос повелевает нам прощать друг друга, так-то вы выполняете его завет!»

С чувством глубокого удовлетворения возвращаюсь я мыслями к детству, проведенному в России, в стране, где повседневную жизнь питают религиозные верования, укоренившиеся в народе за тысячелетие существования христианства.

Мы с братом Федей очень любили религиозные праздники. Но особенно запомнилась мне торжественная служба, когда совершалось святое причастие детей и нас с братом, одетых в белые курточки с красными галстучками под белыми стоячими воротничками, подвели к батюшке. Позади нас стояли рядами старшие ученики в аккуратных форменных синих костюмах с серебряными пуговицами, и среди них, должно быть, стоял и примерный ученик Владимир Ульянов. Не забыть мне и того мгновения, когда я, потрясенный, впервые увидел изображение распятого Христа, словно прозрачного в падающих на него лучах света, и при этом совсем живого. Мальчиком Владимир Ульянов тоже, наверно, смотрел на это распятие и,

быть может, в душе посмеивался, сохраняя благочестивое выражение лица, — если, конечно, верить его собственному рассказу о том, как он в четырнадцать лет выбросил в мусорное ведро свой нательный крест.

Что касается меня, то в моих чувствах никогда не было двойственности, в детстве я был глубоко религиозен. Я до сих пор помню старого протоиерея нашего кафедрального собора, который приходил по воскресеньям к нам на чай и давал мне читать популярные религиозные брошюры с толкованием важнейших религиозных праздников. Эти ранние впечатления, образ замечательного человека, пожертвовавшего своей жизнью ради блага других и проповедававшего лишь одно — любовь, — стали источником моей юношеской веры, которая впоследствии воплотилась у меня в идею личного самопожертвования во имя народа. На этой вере зиждился и революционный пафос — и мой, и многих молодых людей того времени. Конечно, в религиозной вере была и другая сторона, официальная, казенную сущность которой выражал Священный синод — бездушный бюрократический институт. Своей борьбой с инакомыслием, своим бездушным отношением к нуждам людей он лишь укреплял позиции атеизма. Но в детские годы мы ничего не знали об этой стороне церкви.

* * *

В начале 1889 года мы узнали о том, что нам предстоит навсегда покинуть Симбирск и перебраться в далекий Ташкент — столицу Туркестана. Мы отродясь не слышали о Ташкенте, и потому весть о переезде нас крайне взволновала. Нам сказали, что вначале мы поплывем вниз по Волге, затем пересядем на другой пароход и поплывем по Каспийскому морю, на другой стороне моря сядем в поезд, а напоследок поедем конным экипажем. У меня остались самые смутные воспоминания об Астрахани и о па-

роходе «Каспиец», на который мы пересели после плавания по Волге. Не помню сколько времени мы добирались до форта Александровска на северо-восточном побережье Каспия, где пароход сделал краткую остановку. Однажды утром мы услышали: «Ну вот, дети, мы и приехали». Наскоро одевшись, мы выскочили на палубу. Там уже столпились все пассажиры, с нетерпением всматривавшиеся в берег той земли, которая была целью нашего путешествия. И наконец нашим взорам открылась полоса бурой бесплодной земли и смутные очертания далеких гор. Вдоль берега там и сям стояли маленькие домишки и огромные складские помещения. Пароход отдал якоря, и мы высадились в Узун-Ада, захудалом городке, единственном в то время порту вдоль всего транскаспийского пути. И если на море мы мучились от нещадного солнца, то здесь нам показалось, что мы попали в раскаленную, пышущую жаром печь, — и никаких надежд на лучшее. До самого горизонта простирались выжженные солнцем пески. Через пустыню от Узун-Ада до Самарканда шла, минуя несколько оазисов, железнодорожная одноколейка. (В те времена она считалась великим достижением военного и гражданского инженерного искусства.)

После перегрузки с парохода на поезд наших бесчисленных сундуков и корзин мы, дети, отправились в первое в нашей жизни путешествие по железной дороге. Из многочисленных впечатлений особенно запомнилось одно — переправа по деревянному мосту через Амударью (в древности Оксус). Река в этом месте отличалась особенно сильным течением, и длинный мост содрогался и раскачивался от мощных ударов стремительно катившихся вод. Поезд тащился со скоростью черепахи. Вдоль всего моста стояли баки с водой на случай возможного пожара, а рядом с поездом вышагивал часовой, бдительно следя за вылетающими из паровоза искрами.

Железнодорожный путь обрывался, достигнув Самарканда. После тихой благодати родных волжских берегов затененные деревьями улицы, восточный город с его удивительными мозаиками XV века и древними мечетями были столь же необычны, сколь и зловещие пески безжизненной закаспийской пустыни. Проведя в Самарканде три дня, мы отправились конными экипажами в Ташкент. И еще через три дня подъехали к красивому дому, стоявшему на пересечении двух широких улиц. Здесь, в этом доме в Ташкенте, мне предстояло провести школьные годы с 1890 по 1899 и войти в новую социальную среду; совершенно непохожую на ту, что была характерна для европейской России.

В отличие от Симбирска, расположенного на холме, с которого открывался захватывающий дух вид на безбрежные просторы Волги, Ташкент стоял на плоской равнине; вдали призрачно белели покрытые снежными шапками вершины Памира. Улицы города являли причудливое сочетание Европы и Азии. Как и Самарканд, Ташкент делился на два непохожих, но тесно связанных между собой города. Новый город, возникший после захвата Ташкента русскими войсками в 1865 году, представлял собой один огромный сад. Он был распланирован с большим размахом, и особую прелесть его широким улицам придавали тополя и акации. В буйной зелени деревьев и кустов прятались большие и маленькие дома. Старый город, построенный много веков назад, где проживало около ста тысяч мусульман, состоял сплошь из лабиринта узеньких улочек и проулков. Высокие глинобитные стены домов без единого окна скрывали от любопытного взора все, что происходило внутри. Сердцем старого города, средоточием его торговой и общественной жизни, был огромный крытый базар.

В свои девять мальчишеских лет я конечно же не мог разобраться в тонкостях политической и общественной

жизни Ташкента, как и всего Туркестана. В отличие от Симбирска, в Туркестане не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказавшись на его развитии и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, направленной на сохранение неграмотности в сельской местности, пагубных запретов детям «низшего сословия» посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций. Туркестан находился так далеко, что до него не дотягивались руки реакционных чиновников, стремившихся превратить империю с населявшими ее многочисленными народами в Московское царство.

* * *

Как я уже говорил, Ташкент был завоеван в 1865 году и превращен в столицу Туркестана. А в 1867 году первым генерал-губернатором недавно захваченной страны был назначен герой кавказских войн генерал К. Р. Кауфман. Выдающийся администратор, он вошел в историю Туркестана (умер генерал Кауфман в 1882 году) как преобразователь новых земель. В этой своей деятельности он руководствовался положениями Устава об управлении Туркестаном, разработанного Александром II. Устав этот делает честь наиболее просвещенным годам правления Александра II, когда в России проводились преобразования, соответствующие высоким идеалам свободы личности и равенства.

Центрально-Азиатская часть Российской империи простиралась от восточного берега Каспийского моря до границ с Персией, Китаем и Афганистаном. Достигнув своих естественных рубежей, Россия прекратила курс «Дранг нах Остен». Созидательная энергия русских людей была направлена теперь на культурное и экономиче-

ское развитие этих отдаленных районов, на приобщение их к цивилизации.

С подозрением наблюдала за продвижением России в глубь Азии Англия. Исторические традиции ломаются нелегко; прошло много лет после того, как Россия захватила свою часть Центральной Азии, а Великобритания по-прежнему видела в ней враждебного соперника. Да и русские не очень-то были склонны проявлять доверие к Англии. Продвижение в 80-х годах русских войск к Кушке, на границе с Афганистаном, чуть не привело к англо-русской войне. Я помню с тех школьных лет, какую тревогу в военных кругах Ташкента вызывал лорд Керзон, тревогу, которая рассеялась лишь тогда, когда англо-русская комиссия окончательно установила демаркационную линию в Памире.

На Западе широко принято считать, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся великую цивилизацию Центральной Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России. Мы приехали в Туркестан спустя всего шесть лет после экспедиции умиротворения, проведенной генералом М. Д. Скобелевым в туркменском оазисе Геок-Тепе (1881 год), и всего 24 года спустя после захвата самого Ташкента. Тем не менее, собираясь в дальнюю дорогу из Симбирска, мы ни на мгновение не допускали мысли, что будем жить в «оккупированной» стране. Ташкент был просто-напросто далекий уголок России.

На деле та готовность, с какой русские пришельцы сходились с местным населением, снискав их уважение и дружбу, была просто удивительна. Жизнь русских людей протекала одинаково мирно повсюду, будь то в Самаре на Волге или поблизости от могилы Тамерлана. Когда мы жили в Ташкенте, отцу не раз приходилось совершать служебные поездки — в качестве инспектора учебных за-

ведений он побывал в самых отдаленных районах Туркестана. Единственным его оружием в этих поездках была трость. За 20 лет пребывания на Востоке он объехал весь Туркестан большей частью в дорожной карете, ни единого раза не столкнувшись с неприятностями в общении с местным населением.

Успех русской колониальной политики в Азии зиждился на терпимости к местному образу жизни. Конечно, случалось, в Туркестане, как и в любой другой губернии Центральной России, служили чересчур ретивые и малообразованные чиновники; порой совершались отдельные попытки вмешательства в религиозные обычаи и национальные традиции. Но с самого начала населению было ясно, что все эти случаи лишь исключение из правил. Русские города росли и процветали бок о бок с местными поселениями. Наряду с сохранением традиционной системы мусульманского обучения открывались русские Школы, которые были доступны всем, без каких-либо ограничений по религиозному или национальному признакам. Местная судебная система, основанная на Коране, сосуществовала с открытым судебным разбирательством, принятым в России. Строительство железных дорог, открытие банков и промышленных предприятий, развитие хлопководства и других отраслей сельского хозяйства, возведение ирригационных сооружений — все это, несомненно, произвело благоприятное впечатление на мусульманское население. Туркестан, некогда страна с замечательной, а ныне исчезнувшей цивилизацией, за 30 лет русского господства вступил на путь возрождения и процветания.

* * *

Моя жизнь в Ташкенте, как и прежде беззаботная, стала тем не менее более разнообразной и интересной. Произошли изменения в семье. Разрушились барьеры между взрослыми и детьми. Утратила былую власть над